

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С «ЧУЖИМ» АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Исследуются фразеологические единицы с антропонимическим компонентом, взятым из ономастического корпуса «чужой» культуры. Выделяются группы данных единиц по способам отражения национально-культурного своеобразия. Доказывается доминантная роль компонента-антропонима в процессе фразеологического образования единиц вторичной номинации.

Ключевые слова: лингвокультурный потенциал; фразеологическая единица; инокультурный антропонимический компонент; дискурсивное пространство.

Лингвокультурологическая парадигма современных исследований направлена на целостное описание функционирующей системы языковых единиц, которые способны аккумулировать культурные смыслы и культурные ценности, формируя лингвокультурный потенциал номинативных знаков, в частности знаков косвенно-производной номинации.

Под лингвокультурным потенциалом нами понимается наличие в языковой единице экстралингвистических предпосылок, связанных с предметной областью культуры, а также способность языковых знаков к культурной референции. Не вызывает сомнения, что антропонимы «пропитаны» культурной информацией в большей степени, нежели другие языковые единицы. Этот факт доказывается исследованиями Т.Н. Кондратьевой [1], Е.Ф. Кудриной [2], Л.М. Сапожниковой [3], Д.Б. Гудкова [4], И.В. Васильевой [5], Е.С. Отина [6] и др.

Символика фразеологических единиц (ФЕ) с антропонимическим компонентом связана «с лингвокультурологическим понятием ключевых имен – уникальных для русской культуры ономастических единиц, способных аккумулировать национально-культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические национально-культурные тексты» [7. С. 179].

По свидетельству Н.Ф. Алефиренко, «...каждый народ в своих именах собственных ищет осмысления человеческой природы, преобразуя тот или иной ономим в символ. Социальная оценка имен перерастает в оценку человеческих качеств» [8. С. 76]. Специфика символизма ФЕ проявляется в этнокультурной репрезентации через номинативные средства языка, которые, десемантизируясь, становятся компонентами в составе единиц производной номинации. Так, антропонимические компоненты ФЕ *любопытная варвара, куда макар телят не гонял, васька слушает да ест, по сеньке шапка, кузькина мать, тришкин кафтан* и другие можно отнести к репрезентантам символа «русскости», поскольку в сознании представителей других культур эти компоненты не будут «говорящими».

В центре внимания данной статьи – ФЕ с антропонимическим компонентом, не имеющим прямого отношения к русскому культурному пространству, а взятым из ономастического корпуса «чужой» культуры. Например: *балзаковский возраст* – ‘о возрасте женщины от 30 до 40 лет’ [9. С. 31], *буриданов осел* – ‘о человеке, колеблющемся в выборе между двумя равноценными желаниями, решениями’ [Там же. С. 91], *гамлетовский вопрос* – ‘очень трудный, сложный вопрос философского, нравственного характера, обуславливающий необходимость выбора между взаимоисключающими

решениями’ [Там же. С. 235] и др. Подобные единицы с инокультурным компонентом-антропонимом до настоящего времени не подвергались комплексному лингвокультурологическому анализу, чем и определяется новизна обозначенной тематики.

Лингвокультурная значимость рассматриваемых ФЕ бесспорна, так как сам факт их функционирования в русском языке подтверждает то, что существует общенациональный вариант восприятия того феномена, на который данное имя указывает. Обозначенный критерий является основным признаком отнесенности имени к группе прецедентных, т.е. жестко связанных с каким-либо прецедентным текстом (группой текстов) или прецедентной ситуацией [10. С. 14]. Так, возникновение единицы *Колумбово яйцо* с фразеологическим значением ‘о неожиданном, смелом выходе из какого-л. затруднительного положения, остроумном решении какого-л. вопроса’ обусловлено дискурсивной связью с ситуацией, описанной в ходячем рассказе о Христофоре Колумбе, который в ответ на предложение поставить куриное яйцо укрепил его стоймя, разбив скорлупу снизу.

Имя Колумба является также структурным компонентом в составе ФЕ *Колумбы россияне* – ‘о талантливых русских ученых, писателях, путешественниках и т.п.’, восходящей к цитате из 1-й песни незаконченной поэмы М.В. Ломоносова «Петр Великий»: *Колумбы россияне, презрев угрюмый рок, Меж льдами новый путь отворят на восток, И наша достигнет в Америку держава*. Колумбами писатель называет русских мореплавателей XVII и XVIII вв., прежде всего – Семена Дежнева и Витуса Беринга, которые на своих лодках проплыли вдоль северных берегов Азии и открыли морской путь из северных морей в Тихий океан [11. С. 325]. Единица *Колумбы россияне* представляет собой антропонимическую метафору, основанную на очевидном сходстве, одинаково воспринимаемом всеми членами культурно-языкового коллектива. Однако культурная информация, закодированная в рассматриваемой ФЕ, не имеет собственно русской национальной специфики, что позволяет нам обозначить компонент-оним как инокультурный.

Имя Колумба является устойчиво закрепленным в русском языковом сознании ложным стереотипом первооткрывателя, в отличие от самой ситуации открытия Христофором Колумбом Америки, которая стала символом псевдооткрытия чего-либо общеизвестного, выдаваемого за событие мирового масштаба. Ср. с ФЕ *открывать/открыть Америку* – ‘делать открытия, на самом деле давно и всем известные’ [12. С. 504–505]. Следовательно, основой смысловых трансформаций,

которым подвергается инокультурный антропонимический компонент в структуре ФЕ, являются национально детерминированные представления, стоящие за данным культурным феноменом.

По способам отражения национально-культурного своеобразия можно выделить следующие группы ФЕ с антропонимическим компонентом:

1) ФЕ, содержащие имя собственное, которое обозначает реальное историческое лицо: *мамаево нашептание, мамаево побоище* и др.;

2) ФЕ, в которые входят имена собственные из литературных источников: *тришкин кафтан, дьянова уха* из одноименных басен И.А. Крылова и др.;

3) ФЕ с традиционными, популярными женскими и мужскими именами: *маланьина свадьба, Иван не помнящий родства* и др.) [13. С. 171].

Наибольшая фразеологическая активность, по данным нашего исследования, присуща антропонимам, называющим историческое лицо: *Архимедов рычаг, пифагоровы штаны, наполеоновские планы, Ганнибалова клятва, платоническая любовь* и др. В количественном отношении данную группу ФЕ представляет около 40 единиц.

Меньшую по объему группу формируют ФЕ с «чужим» антропонимическим компонентом, восходящим к литературному источнику: *бедный Йорик, барон Мюнхгаузен, гамлетовский вопрос, ящик Пандоры* и др. – всего около 30 единиц.

В силу того что в компонентном составе ФЕ онимы, с одной стороны, обуславливают формирование фразеологического значения, а с другой – сами испытывают воздействие обобщенно-целостного значения ФЕ, происходит лишь их частичная десемантизация [8. С. 77]. В отличие от этнокультурного антропонима, способного становиться в структуре ФЕ нарицательным названием предметов или лиц по каким-то признакам (например, *валить ваньку*:

‘1. Поступать не так, как следует, делать глупости.

2. Шутить, дурачиться, притворяться глупым.

3. Обманывать кого-л., хитрить.

4. Оттягивать, тянуть время.

5. Праздно проводить время, бездельничать’ [11. С. 79]), инокультурные антропонимические компоненты не теряют сему одушевленности, сохраняя семантику индивидуальности. Например, во ФЕ *бочка Диогена* и *искать кого-, что-л. с диогеновым (диогеновским) фонарем (с фонарем Диогена)* когнитивным «стержнем» является именно антропонимический компонент, благодаря которому в языковом сознании актуализируются прецедентные ситуации – легенды, в которых фигурирует имя древнегреческого философа Диогена. Так, выражение *бочка Диогена* восходит к одной из легенд, согласно которой философ, доказывая пренебрежение к культуре и считая дом роскошью, жил в бочке [11. С. 65]. Широкая известность данной легенды послужила тому, что сочетание артефактного компонента *бочка* с антропонимическим компонентом *Диоген*, восходящим к конкретной дискурсивной ситуации, стало идиоматическим выражением, символизирующим оторванность чего-либо от жизни, от общества. Смысловой доминантой ФЕ является именно компонент-антропоним, что доказывается при сопоставлении

данной единицы с одноструктурным выражением *бочка Данаид* – *книж. неодобр.*:

‘1. Бесцельная нескончаемая работа.

2. Бесплезный и бессмысленный труд, в котором личное имя связывается с другой прецедентной ситуацией – древнегреческим мифом о Данаидах, пятидесяти дочерях царя Ливии Даная’ [11. С. 64].

ФЕ *искать кого-, что-л. с диогеновым (диогеновским) фонарем (с фонарем Диогена)* – ‘упорно, но бесполезно искать, стремиться обнаружить кого-, что-л.’ – на когнитивном уровне связана с другой легендой о древнегреческом философе, которая гласит, что Диоген расхаживал в толпе народа с фонарем в руках и на вопрос, что он ищет, отвечал: «Человека ищущу!» – т.е. ищущего настоящего человека среди испорченного общества. Например: *Ищите хоть с диогеновским фонарем, и вы все-таки не найдете в нашей среде такого чудака, который вздумал бы говорить против политической свободы* (Плеханов).

Как синоним данной ФЕ следует рассматривать выражение *днем с огнем (с фонарем) не найти (не сыскать)*, которое ошибочно также связывают с рассказом о Диогене. Однако, по данным историко-этимологического словаря А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой (2007), оборот является русским, показывает крайнюю редкость того, что приходится искать, добавляя к дневному свету искусственный, либо же характеризует полную невозможность найти нужный предмет. Оригинальность ФЕ доказывается как рифмованным характером, так и наличием вариантов *искать днем с фонарем* и *искать днем со свечой* [11. С. 489–490].

Если в языке обнаруживаются системно-семантические связи имени собственного с нарицательным и образуются варианты ФЕ (*кондрашка / мирошка / удар хватил*), фразеологическая значимость онима ослабевает. На наш взгляд, надежным критерием установления доминирующей роли того или иного антропонима в процессе формирования ФЕ языка является наличие выражений, не связанных семантически с одинаковым нарицательным компонентом, но разными компонентами-антропонимами. Ср: *клятва Ганнибалова* – ‘твердая решимость бороться с кем-, чем-л. до конца; обещание неизменно следовать своим идеалам’ и *клятва Гиппократова* – ‘у начинающих врачей: торжественная клятва в верности медицинскому долгу’.

Обязательным условием активного функционирования в русском языке ФЕ с инокультурным антропонимическим компонентом является существование общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым именем. Такое представление может формироваться только на базе общеизвестного источника – прецедентного феномена.

Иностранное имя не обростает в русском культурном пространстве теми ассоциативными связями и коннотативными смыслами, которые приобретают русские имена. Например, по одной из версий, происхождение ФЕ *куда Макар телят не гонял [послать, отправит, упрятать и т.п.]* связывается с закрепившимися в языковом сознании носителей русского языка ассоциациями с *Макаром* как несчастным, бедным человеком (ср. пословицы *В доме у Макара кошка, комар да мошка. На бедного Макара все шишки валятся*

и т.п.) [11. С. 411]. Такая смысловая связь оказывается значимой в процессе фразеологического образования единицы. В связи с тем что в «своей» культурной среде за каким-либо иностранным именем (за исключением библейских) не закрепляется стереотипов и не обнаруживаются прототипов, отсутствуют и единицы, которые потенциально могли бы организовать третью группу ФЕ (с традиционными, популярными женскими и мужскими именами).

Возможность метафоризации антропонимов создается тем, что онтологическое сходство индивидуумов естественным образом переносится в мир концептов, обогащаясь нюансами субъективного восприятия [14. С. 177]. Это касается, прежде всего, ФЕ, состоящих только из компонентов-антропонимов, которые в таком случае наделяются особой фразеологической значимостью и уникальностью.

В лингвокультурном сообществе русских иностранных прецедентные имена приобретают символический характер. Устойчивое символическое прочтение в русском языке имеют такие инокультурные имена, как *дядя Сэм* – Соединенные Штаты Америки, правительство США; *барон Мюнхгаузен* – беззащитный лгун и хвостун; *мать Тереза* – деятельная, отзывчивая женщина, которая всячески стремится помочь своим ближним; *Мата Хари* – женщина авантюрного склада характера; *Джеймс Бонд* – шпион, агент спецслужб и другие ФЕ, образованные на базе данных имен и выполняющие в языке определенную символическую функцию. Персонифицированный образ и культурный смысл находятся в тесной взаимосвязи: имя-символ инкорпорирует свои смыслы в семантику ФЕ, создает культурную коннотацию.

Вхождение данных выражений во фразеологический корпус русского языка и их активное функционирование в речи объясняются, с одной стороны, общеизвестностью имен, а с другой – наличием лакунарных зон во фразеологической семантике, что подтверждается отсутствием фразеологических синонимов исконно русского происхождения.

Особую группу ФЕ составляют условно названные нами фразеологические антропонимические диалекты, объединяющие в своем составе два личных имени: *доктор Джекил и мистер Хайд* – ‘о странном, сложном человеке, совершающем противоречивые поступки’ (восходит к фантастической повести английского писателя Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), *Монтекки и Капулетти* – ‘о двух враждующих семействах, партиях и т.п.’ (восходит к драме У. Шекспира «Ромео и Джульетта») [2. С. 446], *Ромео и Джульетта* – ‘о юных влюбленных’ [11. С. 601].

Рассматриваемая структурная фразеологическая модель является достаточно активной, так как по ней строится большое количество ФЕ с антропонимическими компонентами:

а) библейскими именами (*Гог и Магог* – ‘1. О человеке, внушающем ужас, наводящем страх. 2. О человеке, наделенном большой властью, всемогущем правителе’; *Самсон и Далила* – ‘олицетворение мужской силы и женских чар’; *Давид и Голиаф* – ‘1. О противо-

борстве двух мужчин – одного, внешне ничем не выделяющегося, второго – огромного и могучего. 2. Расширительно – о противоборстве больших и малых государств, групп’ и др.);

б) именами мифологических героев (*Кастор и Поллукс* – ‘два неразлучных друга’; *Филемон и Бавкида* – ‘о неразлучной паре старых супругов’; *Ормузд и Ариман* – ‘доброе и злое начало, добродетель и порок’ и др.);

в) именами литературных персонажей (*Иван Иванович и Иван Никифорович* – ‘о людях, долгое время находящихся в мелочной ссоре, живущих в неладах друг с другом’; *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* – ‘о простодушных, наивных обывателях-супругах’ и др.) (примеры ФЕ и их значения даны по книге: *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 926 с.). Примеры показывают, что во фразеологических диалектах встречаются не только инокультурные, но и этнокультурные элементы.

Антропонимические компоненты в данных ФЕ объединяют либо противопоставленные друг другу, либо связанные в порождающем дискурсе образы. Формирование фразеологического значения происходит за счет «свертывания» прецедентной ситуации или прецедентного текста до имени, приобретающего ассоциативно-смысловые связи, декодируемые в процессе употребления единицы.

По утверждению И.Э. Ратниковой, «экспрессивный потенциал онимов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в апелляции к эмоциональной сфере психики (и через нее к сознанию)» [14. С. 177]. В такой функции ФЕ с инокультурным компонентом-антропонимом выступают, в частности в текстах, относящихся к СМИ. Например: *Конечно, недооценивать «Единую Россию» и ее возможности было бы ошибкой, благодаря поддержке Кремля и олигархов, она обладает и финансовой мощью, и административным ресурсом, и СМИ, но все равно она – Панургово стадо, которое скопом вошло в загон вслед за поводырем и может согласованно кричать «му-му!»* (Л. Ковров. В поле – две воли: чья сильнее (2003) // Советская Россия. 2003.08.15). Критикуя правящую партию, автор прибегает к использованию для сравнительной характеристики ФЕ *панургово стадо* – ‘толпа, слепо подчиняющаяся чужой воле, покорно следующая за кем-либо’ [15. С. 452]. При этом актуализируются отрицательные коннотативные семы – ‘презрение’, ‘ирония’.

Таким образом, ФЕ с «чужим» антропонимическим компонентом возникают в языке в процессе символизации инокультурных образов, прототипами которых явились исторические лица или герои зарубежных литературных произведений. Вхождение таких единиц в русское лингвокультурное пространство сопровождается экспликацией культурных смыслов, сокрытых в глубинных слоях фразеологической семантики, но обнаруживающих актуальность и значимость для этноязыкового сознания носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьева Т.Н.* Метаморфозы собственного имени: опыт словаря. Казань: Изд-во КазГУ, 1983. 110 с.
2. *Кудрина Е.Ф.* Онимы как этнокультурный компонент фразеологии // Лексика и культура: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 45–50.
3. *Сапожникова Л.М.* Культурный компонент лексического значения собственных имен и их адъективных дериватов // Лексика и культура: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 86–71.
4. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Гнозис, 1999.
5. *Васильева И.В.* О некоторых аспектах прагматики антропонимов // Проблемы прикладной лингвистики / Отв. ред. А.И. Новиков. М., 2001–2002. С. 7–19.
6. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток Лтд, 2004.
7. *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2007. 265 с.
8. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
9. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. / Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Флинта; Наука, 2004. Т. 1. 832 с.*
10. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.*
11. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
12. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ ПРЕСС-КНИГА, 2006. 784 с.*
13. *Гиляева Э.Н.* Происхождение и мотивированность антропонима в составе фразеологической единицы (на материале русского и немецкого языков) // Фразеология в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. науч. симп. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 171–172.
14. *Ратникова И.Э.* Имена собственные как «смыслы в масках»: степени образности // Слово – сознание – культура: Сб. науч. тр. / Сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 176–185.
15. *Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.*

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 мая 2011 г.